

Иной Маркс: возвращение к истокам

Интервью с Марчелло Мусто

Веса Ойттинен и Андрей Майданский: **В ваших последних исследованиях о Марксе заметно стремление учесть новую исследовательскую ситуацию, сложившуюся после публикации MEGA². Вы и в самом деле считаете, что эти новоявленные, неизвестные прежде материалы способны глубоко изменить наше восприятие Маркса и марксизма?**

Марчелло Мусто: Много лет я проработал с томами MEGA², уделяя большое внимание филологическим открытиям, имеющим отношение к работам Маркса — как уже известным, но некорректно изданным, так и ранее неопубликованным, таким, как черновики «Капитала» или Марксовы тетради конспектов, которые увидели свет совсем недавно. Эти материалы, в частности, обнаружили тысячи редакторских вмешательств Энгельса в Марксов *magnum opus* и доказывают, что второй и третий тома «Капитала» были во многом предварительными набросками.

Мой личный опыт — маленький пример того воздействия, которое MEGA² смогло оказать на ученых: стажировка в Берлин-Бранденбургской Академии наук (штаб-квартира MEGA²) и исследования в амстердамском Международном институте социальной истории (здесь хранятся две трети рукописей Маркса; еще треть находится в Российском государственном архиве социально-политической истории), которые я проводил, еще когда был докторантом, значительно обогатили и во многих случаях изменили мое понимание Маркса. Однако мне не доводилось пережить, что называется, «драмы открытия» нового Маркса. С конца 60-х гг. (ведя отсчет с момента появления в 1968 г. знаменитой статьи Мартина Николауса в «New Left Review», ставшей прелюдией к первому английскому переводу «Grundrisse»¹) многие авторы постоянно говорили о «неизвестном Марксе». В последние годы вышло две книги с таким заглавием: одна написана видным испано-американским

¹ Nicolaus M. The Unknown Marx // New Left Review. Vol. 48. March—April 1968. S. 41–61. В 1973 г. статья была помещена в качестве предисловия в английское издание «Grundrisse».

исследователем Энрике Дюсселем², другая — японцем Такахиша Оиши³. Я никогда не соглашался с теми, кто придает столь большое значение новейшим публикациям текстов Маркса; после «Grundrisse», полагаю, не было рукописей, способных изменить наше восприятие настолько, чтобы зашла речь о «неизвестном Марксе».

Как бы там ни было, новые рукописи, опубликованные в MEGA², дают возможность реконструировать важные фазы мысли Маркса, мало кем до сих пор исследованные. Взять, к примеру, его критику политической экономии: огромное большинство ученых учитывали лишь отдельные периоды в развитии Маркса, зачастую перескакивая от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» напрямик к «Grundrisse» (1857–1858), а далее — к первому тому «Капитала» (1867), в лучшем случае принимая еще во внимание «Нищету философии» (1847). Сегодня благодаря MEGA² положение дел изменилось, по крайней мере для серьезных исследователей Маркса. Используя новые материалы, мы можем реконструировать все стадии Марксовой критики политической экономии, а значит, и проследить формирование мысли Маркса более обстоятельно и без идеологических помех, которые имели место в прошлом.

Пожалуй, суммируя все возможности, открытые MEGA², я бы сказал, что это издание дает нам научную основу для прочтения «иного Маркса». Я имею в виду образ, хотя и отнюдь не чуждый политике и классовой борьбе, однако весьма далекий от того классика, чьи цитаты использовались как библейские вирши (bible-like verses) в Советском Союзе и странах «реального социализма».

Какие идеи Маркса, по Вашему мнению, были превратно истолкованы либо вообще не поняты большинством марксистов? Например, в предисловии к сборнику «По следам призрака»⁴ вы критикуете Плеханова за то, что он считал марксизм целым мировоззрением⁵.

Подобно многим другим марксистам после него Плеханов повинен в создании окостенелой, негибкой концепции общества и истории. А его идеи оказали большое влияние на русских революционеров, и не только на русских благодаря его международной известности в то время. На мой взгляд, эта концепция, основанная на упрощенном монизме, для которого экономические изменения являются решающими при любых трансформациях общества, имеет весьма мало общего с собственным учением Маркса. Она гораздо больше связана с культурным климатом эпохи, когда большую роль играли позитивизм и детерминизм.

² Dussel E. Towards an Unknown Marx: A Commentary on the Manuscripts of 1861–1863. Transl. by Y. Angulo. London: Routledge, 2001.

³ Oishi T. The Unknown Marx. London: Pluto Press, 2001.

⁴ Sulle tracce di un fantasma. L'opera di Karl Marx tra filologia e filosofia. Roma: Manifestolibri, 2005.

⁵ В работе «Основные вопросы марксизма».

В подготовительных рукописях к третьему тому «Капитала» Маркс писал, что он пытался представить «организацию капиталистического способа производства в его идеальном среднем (ideal average)» и потому в его наиболее полной и всеобщей форме. Так что я не утверждаю, будто Маркс не стремился обрести целое мировоззрение или не хотел мыслить систематически, если угодно так выразиться. Я лишь пытался доказать, что его обобщение было совсем иным, чем у Плеханова и позже, не говоря уже об отцах того чуждого перемена монизма, который именовался «диаматом».

Перечень превратно истолкованных или же непонятых последователями и охранителями идей Маркса очень долог. За недостатком места отмечу лишь одну тему. В последнем счете важнее всего для меня то, что случилось с социализмом в XX столетии: представление, будто в коммунистическом обществе нет места индивидуальности; что посткапиталистическая ассоциация трудящихся мыслилась Марксом как противное свободе (liberticidal) общество, режим угнетения без гражданских прав и политических гарантий. Это величайший парадокс, который только мог случиться с Марксом, скандал для тех, кто знает его труды. Я читал многих философов и классиков политической мысли и встречал лишь немногих, кто был столь поглощен — так подчеркнуто озабочен! — интересами свободного развития индивидуальности *всех* людей, не только привилегированных классов. И я убежден, что этот пункт является основополагающим для политических партий и общественных движений, находящихся источник вдохновения в Марксе.

Вы не раз отмечали, что для теоретического наследия Маркса характерны неполнота и фрагментарность, цитируя любимый девиз Маркса: «De omnibus dubitandum»⁶. Важно помнить об этом, предохраняя наследие Маркса от догматических толкований, но не стоит ли нам опасаться, пытаясь избежать Сциллы догматизма, столкнуться с Харибдой релятивизма?

Да, согласен. Тут есть известный риск и опасность ошибки, особенно в век, когда релятивистские и постмодернистские подходы так широко распространены и влиятельны (и дело, конечно, не только в их преобладании в последние два десятилетия). Нам следует помнить про обе части уравнения, не забывая о том, что Маркс хотел закончить свой гераклов труд. Неполнота и фрагментарность его произведений обусловлены обширностью предмета; потребовались многие годы исследований для его серьезного критического осмысления. И мы не должны повторять ошибку многих марксистов, которые в последние десятилетия рассматривали «Экономическо-философские рукописи 1844 года» как книгу (а в глазах некоторых эта книга даже более важ-

⁶ Во всем сомневаться (лат.).

на и полезна, чем первый том «Капитала»!), а второй и третий тома «Капитала» — как последнее слово Маркса о тех предметах, что исследовались им в этих рукописях.

С другой стороны, я считаю абсолютно необходимым критиковать догматический марксизм, и делать это решительно. Это было — и во многом еще остается — одной из наиболее очевидных задач нового поколения ученых и политических активистов, которые верят, что Маркс и сегодня может оказать немалую помощь в понимании и изменении мира. Как возможно сегодня актуализовать Марксову критику капитализма — на реальной почве, не в миноритарных и маргинальных кругах и не в виде благих пожеланий — для левых политических партий и общественных движений, которые все еще видят в Марксе необходимый источник критики и борьбы против капитализма, если мы не расчистим его основы от прежней марксистско-ленинской догматики? Как могут левые вернуться к разговору с рабочими и молодежью, если мы не сумеем объяснить им, сколь мало общего у нас (и еще меньше у Маркса) с теми обществами, что были построены во имя социализма во второй половине XX столетия?

При этом, разумеется, нельзя впадать в новую апологетику Маркса, веруя, что работы, написанные полтора столетия тому назад, содержат точное описание сегодняшнего мира, или отрицая наличие в них противоречий и ошибок.

Я пытаюсь работать в таком духе с новым сборником, который я редактирую и собираюсь вскоре опубликовать: «Возрождение Маркса. Очерки критики современного общества»⁷. В этом томе ряд авторитетных ученых из разных стран — таких, как Иммануил Валлерстайн, Мойше Постоне, Элен Мейксинс Вуд и многие другие, — рассуждают, заново перечитывая Маркса, насколько уместны его идеи сегодня и чем они полезны для критического уразумения мира. Это научная книга, но написанная специально для левых — противников капитализма, переживающих трудные времена.

Как вы оцениваете радикально новые подходы к теоретическому наследию Маркса? Например, Антонио Негри и Майкл Хардт в своей книге «Империя» попытались переосмыслить Маркса, опираясь на понятия «живого труда» (которое сливается у них с как бы спинозистской идеей «множества») и «всеобщего интеллекта» (выражение из «Grundrisse»). Не выходит ли такое развитие уже за пределы того, что можно назвать марксизмом?

Не вдаваясь глубоко в критику книги Негри и Хардта с ее теоретической смутностью и политическими противоречиями (в них, вероятно,

⁷ The Marx Revival. Essays on the Critique of Contemporary Society. Palgrave, forthcoming 2011.

кроется одна из причин ее успеха у публики), о чем было немало написано в последние годы, интересно отметить, что некоторые мыслители, получившие репутацию наиболее выдающихся марксистов нашего времени, часто весьма далеко удалялись от идей Маркса. Аналитические марксисты и Жак Деррида в прошлом, Антонио Негри и Славой Жижек сегодня, на мой взгляд, служат примерами данного феномена.

Вопрос не в том, является ли преступлением или святотатством идти за пределы Маркса, чтобы исправить его ошибки или доработать его концепцию с учетом колоссальных изменений, произошедших в мире после его смерти. (Следует помнить, что сам Маркс не только отказался отдать в печать рукописи второго и третьего томов «Капитала», стоившие ему более двадцати лет труда, но и потратил немало времени и энергии в последние оставшиеся ему годы жизни на то, чтобы переписать и доработать многие части первой книги «Капитала»). Проблема в том, что сегодня у маленьких, в сравнении с временами двадцатилетней давности, политических партий и движений, которые критически настроены по отношению к капитализму, теории, наподобие той, что создана Негри, считаются, если можно так выразиться, «аутентичной» марксистской альтернативой реалиям капиталистического общества. А эти теории слишком часто восходят к совсем другим теоретикам и культурам, нежели Маркс и история рабочего движения (к примеру, в случае Жижека это — Лакан и психоанализ).

У данной проблемы есть и другая, еще более прискорбная сторона. Более чем на два десятилетия Маркс почти исчез из видимости. За исключением «Манифеста коммунистической партии», его сочинений не было в книжных магазинах, и мне не кажется преувеличением утверждение, что Маркс практически неизвестен новому поколению политических активистов и студентов, не говоря уже о фабричных рабочих или профсоюзных лидерах.

Возвращаясь к поставленному Вами вопросу, риск заключается в том, что в результате распространения марксистско-ленинских или маоистских учебников идеи Маркса могут быть ложно истолкованы такими авторами, как Негри. Собственно, это уже и случилось, если вспомнить, что в последние годы идеи Маркса оказались поставленными в связь с понятиями вроде «честной торговли» (fair trade) и другими неопрудонистскими теориями, такими, как микрокредит и микрофинансы, всецело пропитанными духом капитализма, с которым Маркс сражался всю свою жизнь. А пропагандистское название крупнейшего левого общественного движения последних двух десятилетий — *антиглобализм* — вполне могло бы заставить Маркса перевернуться в своем гробу! Для меня очевидно, что после такого чудовищного смешения понятий и после всех поражений последнего времени мы должны начать все дело заново, с самых основ.

Вот почему главным приоритетом сегодня является необходимость переиздать труды Маркса и воспользоваться ими, критически и без вся-

кого консерватизма, для того чтобы лучше понять противоречия и проблемы нашего времени.

Традиция итальянского марксизма подчеркивает, следуя Грамши, значение Маркса как прежде всего историка, творца исторического материализма. Каковы, на ваш взгляд, главные открытия Маркса-историка?

Он был великим историком. В течение жизни в некоторых своих памфлетах или в статьях для «Neue Rheinische Zeitung» и «New-York Tribune» он описывал многие важнейшие политические события своего века, в том числе революции 1848 г., Крымскую войну и европейскую дипломатию, финансовый кризис 1857 г., Гражданскую войну в Соединенных Штатах, Парижскую коммуну и др.

Что до исторической теории, то Марксово материалистическое понимание истории — возможно, одно из величайших открытий в общественных науках. Эту теорию много критиковали, но, опять-таки, если мы взглянем на эту критику повнимательнее, обнаружится, что она обращена не столько к Марксу, сколько к «историческому материализму» (выражение, которым Маркс никогда не пользовался) его последователей, а то и к вульгарному сталинскому диамату (я имею в виду широко известную главу «О диалектическом и историческом материализме»), не имеющему абсолютно ничего общего с Марксом. Ему приписывалась вера в жесткую и неотвратимую последовательность перехода к социализму по ступеням общественных формаций. Возможно, в этом плане MEGA² могла бы принести пользу: в последнем издании первой части «Немецкой идеологии» (так называемая «Глава I. Фейербах») реконструирован фрагментарный характер этих неоконченных рукописей, благодаря чему рушится фальшивая «марксистско-ленинская» интерпретация, превратившая эти рукописи, написанные молодым ученым в самом начале его исследований в области политической экономии, в исчерпывающее изложение «исторического материализма».

Сам Маркс, как известно, выделял три своих новации в области истории⁸. Считаете ли вы эти идеи приемлемыми и сегодня, спустя полтора столетия?

Одна из причин ложного понимания Маркса кроется, на мой взгляд, в том, что написанные им строки слишком часто читались вне исто-

⁸ «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». (Письмо к И. Вейдемейеру. 5 марта 1852 г. / Сочинения. Т. 28. С. 427).

рического контекста. Возьмем для примера его письмо к Вейдемейеру. Оно написано в 1852 г., когда Марксу было 33 года, т. е. он был молод и еще только разрабатывал свои теории. Мы должны также иметь в виду, что это было письмо к товарищу, а не изложение его позиции в книге. Следовательно, его не стоит воспринимать как тщательно сформулированное заявление. Само собой, оно не кажется мне окончательным суждением Маркса по данному вопросу. Тем не менее эти слова из письма широко цитировались. К примеру, в ГДР они печатались на бесчисленных политических плакатах, дабы подчеркнуть мнимую важность для Маркса понятия диктатуры пролетариата. А дело-то обстоит иначе. В своей книге, посвященной Марксовой теории революции⁹, Хэл Дрэйпер показал, что Маркс очень редко пользовался понятием «диктатура пролетариата» — всего лишь семь раз, включая не только публикации, но и переписку, в том числе письмо к Вейдемейеру. А вот марксисты, напротив, это выражение широко использовали: Ленин, согласно Дрэйперу, употребил его пять тысяч раз. Как видим, разница громадная! Это злоупотребление термином характерно как для самозванных марксистов, желающих найти оправдание своих теоретических взглядов или действий, так и для антимарксистов, критикующих вместо самого Маркса неадекватные приложения его теории.

Во всяком случае, я думаю, что после публикации первого тома «Капитала», в 1867 г., или в конце своей жизни Маркс отметил бы уже другие свои открытия, доведись ему снова отвечать на вопрос Вейдемейера. Безусловно, не существует жесткой связи между классово-вой борьбой и диктатурой пролетариата. А формулировка об отношении между диктатурой пролетариата и конечной целью — построением общества без классов — нуждается в более тщательном разъяснении и может быть истолкована как утопическое или гегельянское (я подразумеваю хорошо известные дебаты о конце истории и пр.) положение. Реальность гораздо сложнее: политическая революция вовсе не означает автоматического осуществления общественных изменений, как научил нас XX век; в ней следует видеть лишь начало непрерывного процесса снятия отчуждения и эмансипации. Это бесконечный процесс, в котором преодоление капиталистического классового неравенства или «хэппи-энд» социализма вовсе не гарантированы.

Вы сказали, что в конце жизни Маркс отметил бы другие свои открытия. Звучит интригующе. Не могли бы вы конкретнее высказаться на этот счет?

Вклад Маркса в общественные науки очень велик, я же выделю только две темы. Первая — его знаменитая теория прибавочной стоимости,

⁹ Draper H. The dictatorship of the proletariat: from Marx to Lenin. New York: Monthly Review Press, 1987.

особый вид эксплуатации в капиталистическом способе производства. Стоимость, создаваемая в производстве неоплаченным прибавочным трудом рабочих для капиталиста, представляет собой основу накопления капитала.

Второго пункта я немного уже коснулся — это идея исторического характера всех общественных формаций. Одна из красных нитей Марксовых работ, от ранних экономических сочинений до «Grundrisse» и «Капитала», есть доказательство исторической специфичности капиталистического способа производства. Он всякий раз резко критиковал стремление экономистов изображать эту историческую реальность как нечто естественное, проецируя типичные явления буржуазной эры на любое другое общество, существовавшее ранее, и видеть в изолированном, эгоистическом индивиде эпохи Просвещения архетип человеческой природы. В своей критике экономистов Маркс преследовал двоякую цель. Подчеркивая необходимость исторической характеристики для понимания реальности, он тем самым решал и конкретную политическую задачу — опровергал догму о постоянстве капиталистического способа производства. Демонстрация историчности капиталистического порядка служила бы также и доказательством его преходящего характера и возможности его ликвидации. Для Маркса капиталистическая экономика не следует из некой вне- или аисторической «человеческой» природы, как то заявляли политэкономы, но есть результат долгого исторического развития, доказательство того факта, что капитализм не единственная ступень в истории человечества и не последняя ее ступень.

Перевод Андрея Майданского